

РОСТКИ СВОБОДЫ

(из литературной жизни Ленинграда 20-х и более поздних годов,
публикация эпиграмм и стихов из архива Л.М. Варковицкой)

Любовь Сталбо

Посвящается памяти Л.М.Варковицкой

После Октября в культурной жизни России произошли большие изменения. Многие известные литераторы эмигрировали за границу. Но жизнь продолжалась. Это было время больших надежд и ожиданий.

Недавно закончилась гражданская война. Продолжались репрессии, но до 37-го года было еще далеко.

М.Горьким было создано издательство «Всемирная литература». В Петрограде-Ленинграде возникли литературные группы: “Серапионовы братья” (И.Груздев, М.Зощенко, В.Каверин...) и “Обэриуты” (Н.Заболоцкий, Д.Хармс...). Появился Госиздат с несколькими специализированными редакциями. Возник «Кубуч» (в будущем – издательство учебной литературы).

Авторы испытывали уже гнет цензуры – Горлита, но были изданы М.Зощенко, высмеивающий новое мещанство и новый быт; Ольга Форш – роман «Безумный корабль» о Доме искусств, быте и работе литераторов и художников; Юрий Тынянов создает «Кюхлю» и «Смерть Вазир-Мухтара» о пушкинском времени и о Грибоедове. Переиздается русская классика.

В те годы рождается социалистический реализм – лакировочная литература, но тогда же, параллельно, были созданы такие произведения, как «Тихий Дон» Михаила Шолохова и «Хождение по мукам» Алексея Толстого.

Сейчас бытует ложное мнение, что в 20-е - 40-е годы в среде интеллигенции не было людей, понимающих и осуждающих вседозволенность и безнравственность советской действительности. Нет, такие люди были, и многие из них жестоко поплатились за свое свободолюбие.

Моя мама, Варковицкая Лидия Моисеевна (1892-1975) – литератор и переводчица. Её архив хранится в Государственной библиотеке – бывшей библиотеке им. Ленина, в Москве [1]. Кроме рукописей, в архиве – письма многих писателей.

Л.Варковицкая родилась в Одессе. Её отец – Моисей Фельдман – почетный гражданин России, негодичант, купец 1-й гильдии, мать – Сара Бродская – окончила Сорбонну. Родной брат Сары – Бродский Адольф Давидович – известный скрипач, ему Чайковский посвятил свой 1-й скрипичный концерт. Революция полностью разорила отца Л. Варковицкой, и в дальнейшем ей пришлось испытать материальные трудности, были также репрессии родных и близких.

Лидия Моисеевна в средней школе и консерватории училась в Швейцарии и Германии. В России гимназию окончила экстерном. В 1912-1917 гг. училась на высших женских курсах в Петербурге. Знала французский и немецкий языки.

В 1920 г. от тифа умер её муж, и она осталась вдовой с тремя детьми (9, 7 и 5 лет). В 1922-1926 г.г. работала в журналах в Екатеринбурге и Петрограде и занималась переводами художественной литературы. С 1926 г. по 1932 г. была секретарем-редактором и переводчиком в редакции художественной литературы в Ленинградском отделении Госиздата. Она общалась со многими писателями и

поэтами. Среди них были Корней Чуковский, Михаил Зощенко, Исаак Бабель, Осип Мандельштам, Юрий Тынянов, Константин Федин, Мариэтта Шагинян, Ольга Форш, Николай Тихонов и многие другие.

К концу 20-х годов ужесточилась цензура, состав редакции изменился. В 1932 г. Л.М. Варковицкая вынуждена была уволиться из Госиздата и уехать на работу редактором радиокомитета в Мурманск. С 1934 г. была членом Ленинградской профорганизации Союза писателей и занималась литературным трудом.

В 20-30 годы опубликованы её переводы с французского и немецкого трёх романов: Фемюз «Алина» (1928), Голлендер «Дом в бреду» (1928), Луи Эмон «Боксер Мелок» (1929).

Были изданы её книги: «Цирк и ратуша» (1931), «400 свидетелей» (1931), детская повесть «Сказано – сделано» (1952), опубликованы рассказы и очерки в журналах и газетах Ленинграда («Звезда», «Ленинград», «Красная газета») с 1923 по 1970 г.

Ею переведено более 100 стихотворений Генриха Гейне из циклов «Лирическое интермеццо», «Опять на Родине» и «Романсеро». Часть из этих переводов была опубликована в собрании сочинений Г. Гейне и в Ленинградском журнале «Звезда».

Л.М. Варковицкая в течение всей своей жизни писала эпиграммы и шуточные стихи. Эпиграммы в то время не могли появиться в печати. Шуточные стихотворения, обращенные к К.И. Чуковскому и Ю.Н. Тынянову, были опубликованы значительно позже. Для полноты представления о творчестве Лидии Варковицкой здесь приведены также и эти стихи.

В своих эпиграммах и стихах Лидия Варковицкая писала о гибели О.И. Мандельштама и запрещении его стихов; о внушаемой «мудрости партии»; о лжи продажных писателей; об опасности сомнений; серости советской литературы; о ничтожности литературных и других чиновников; непривлекательности СССР; казённости Союза писателей; советских газетных штампах. В них – осуждение конкретных одиозных представителей литературной номенклатуры.

Она предвидела, что Иосиф Бродский станет крупным поэтом. Она отдавала дань уважения Солженицыну. Итак, некоторые эпиграммы и стихи Л.Варковицкой.

Мандельштаму О.Э.

Минуя внуков, правнуки прочтут
Стихи, где ласточка безвременье вещала.
Эпоха те стихи врасплох застала,
И смертный приговор им вынес суд.

Стихи, вы разве смертны, как поэт?
На полке притаились безымянной.
Поэта гений служит вам охраной
Наступит день – вы явитесь на свет.

М. Горькому

Без поплавок и без крючков
И наилучший рыболов
Домой вернётся без улова.
Так чем же был Крючков?*

Чтоб выловить кита такого

* Крючков – приставленный органами безопасности секретарь А.М. Горького

Поэтам *

Прикрашены, припудрены, Недавно ошельмованные, Опять слова о мудрости И в прозе, и рифмованные.	Словам цена грошовая, Но так они нанизаны, И так порхает много их, Что скоро будут признаны.
--	---

О враньях продажных...*

Лучше пули и ножа Пробивает сердце лжа. Точит дерево и сталь Языком продажным враль.	Ежедневно, ежечасно Он твердит: “Как все прекрасно!” Сомневаться же – опасно.
---	---

О редакторах и авторах

Редакторы сидят высоко,
У них недремлющее око.
Не счесть им звезд над головой:
Сидят в “Звезде” и над “Звездой”,
И каждый автор – вот беда –
Он мнит: я тоже, мол, звезда.

К съездам писателей

Одеты в форму школяры
А мы чем хуже детворы?
Войдет литература в норму,
Тогда дадут нам униформу,
Писателям на брюки канты,
На грудь писательницам – банты.

Альманах “День поэзии”

Как “День поэта” бледен, пуст и сер,
Хотя и грамотно написан он по-русски.
С ним ознакомившись, мой попугай Флобер
Мне все твердит: “James, James”
И плачет по-французски.

О советских газетных штампах

Если нужно будет – тонна,
Если нужно будет – пуд.
Так газеты незаметно,
Тонко врут.

* заголовки эпиграмм (кроме персоналий) добавлены автором публикации

* * *

Развернулось с силой новой,
Развернулось вширь и вглубь.
“Развернуться”... Этим словом
Кой кого бы долбануть!
Развернулось, развернулось.

Тут механика проста:
В этом вечном развороте
Вас частенько тянет к рвоте
От газетного листа.

О ничтожестве номенклатуры

Это вовсе неспроста –
Добираться до поста.
А добрался до поста –
Тут повадка уж не та.
Апрель 57 г.

О журнале «Нева»

Нева – красавица - река,
Воды в ней хватит на века.
Не сетуйте, что есть вода в журнале,
Если его “Невой” назвали.

А. Прокофьеву *

Я скажу Прокофьеву
Прямо в глаз – не в бровь его:
Стихи себе пописывай,
Доносы не подписывай.

Шолохову М.А.

Не лез в политику бы он,
А жил на проценты за “Тихий Дон”.
Так нет же, что ни съезд –
Громовая речуха.
И на писателей, как на старух,
Случается проруха.

Кочетову

Хотел интеллигенцию
Он изничтожить –
Она жива.
Себе он плюнул в рожу!

Дудину

Спросили: “Путь поэта труден?”
“Как для кого...”, – ответил Дудин.

* - Поэт А. Прокофьев был секретарем Ленинградского отделения Союза писателей.

**Эпиграммы, написанные во время травли
И.Бродского и А.Солженицына, в 60-е годы**

* * *

Прославили его перо
И “Би-би-си”, и “Фигаро”.
Все может быть, все может стать:
Взорлит* поэт из тунейдца.

* * *

Начальник лагеря гордится:
Он без меня не мог бы появиться
Как бишь его... Солженицын.

* * *

Бывает стыдно мне признаться,
Что я живу в такой стране,
Где правят Кочетов и Марков,
А Солженицын – в стороне.

И.Г.Эренбургу после опубликования книги “Люди, годы, жизнь”

Ehre – это честь,
Крепость – это burg.
Все вместе – Эренбург.
Родясь с такой фамилией,
Брать надобно Бастилии,
А не для оправдания
Писать воспоминания.

Памяти Маяковского

Лиля Брик

Вскричала Лиля Брик: *О, брак!*
Лишь пустячок, лишь “bric- à’brac”. **
А Ося молвил: *Не подниму я пистолет,*
Когда за третьего – поэт!
Поэту отдана любовь
Не за цветы, а за морковь .
Предусмотрителен был Ося:
Поэтов смерть частенько косит,
Так сохраняйте же, Madame,
Все, что писал и пишет Вам...

Тут дорог каждый листик, детка,
Письмо, стишок или заметка...
Поэт ушел из жизни рано,
За дело взяли Брики рьяно
Строчат они за томом том,
Все о себе, чуть - чуть о нем.
Сквозь крокодиловы рыданья
Строчат они воспоминанья.
Пусть это будет неприлично,
Но Брики кормятся отлично.
23 января 1970 г.

* - взорлит – взлетит, как орел

** - *bric- à’brac* (фр.) – старье, хлам

Л. Успенскому

(автору книги “Слово о словах”)

В карман он лезет за деньгами.
За словом бы туда не лез.
Он так напичкан сам словами,
Что, были бы слова рублями,
Он был бы Крез.

В. Пановой

Другие пусть их пишут
Неряшливо и слабо
Вы рангом их повыше,
Но все же раймасштаба

* * *

Ничто под луною не ново.
“Пардон! А Вера Панова ?!”

Была не только критика, но и шуточные стихотворения и эпиграммы*. Ниже приводятся эпиграмма и записка 1928 года, когда К.И. Чуковский занимался изданием воспоминаний Авдотьи Панаевой ** и произведений Н.А. Некрасова.

К.И. Чуковскому

Панаеву – невинность вешних лет,
Некрасову – любви несвязный бред,
Головачеву – всю семью на шею.
Но больше всех Авдотья принесла
Чуковскому Корнею.

Записка К.И. Чуковскому, сидящему в буфете Госиздата

Учуял ли Чуковский нюхом,
Что дали корректуру нам,
Иль просто заскучало брюхо
По госиздатским пирожкам...

Но он пришел. Он здесь. В буфете.
Дань отдает свиной котлете.
А ждут Корнеевой руки
Некрасовские мужики.

А это послание К.И. Чуковскому написано много лет спустя, в 1969 г.

К.И. Чуковскому

Когда-то, в давние года,
Обуреваема нахальством,
Решилась Вам писать. Тогда,
Ну, как сказать, – была начальством.
Тогда мне кто-то нашептал:
« Юпитер здесь, сидит в буфете,
Чураясь корректур. К котлете
Устами жадными припал ».

Так мной – во гневе и печали –
Обжоре послан был стишок.
В “Чукоккале” – Вы обещали –
Стишку найдется уголок.
Катились годы. Юбилеи
Отсчитывал нам календарь...
Моя любовь всё не ржавеет.
Увы! Она сильна как встарь.

* опубликованы в “Чукоккале” – рукописном альбоме, в котором оставляли свои экспромты гости К.И. Чуковского. Начало “Чукоккалы” относится к годам до революции, когда Чуковские жили в финском поселке Куоккала.

** Авдотья Панаева – жена Панаева, затем гражданская жена Некрасова, а после разрыва с последним – жена Головачёва.

Темой приведенной ниже шуточной поэтической переписки является приглашение Ю.Н. Тынянова в Госиздат, где переиздавался “Кюхля”; Ю.Н. же был занят публикацией глав “Вазир Мухтара” в журнале “Звезда”.

Тынянову Ю.Н.

Халат и вышитые туфли	Ужели Саша Грибоедов,
Предпочитаете, смеясь,	Поэт, любовник, дипломат,
Давно уж сверстанному Кюхле,	Всю горечь пустоты изведав,
Заждавшемся Вас.	Забыл, что Кюхля – друг и брат?
А колонтитула скрижали!	И через сотню лет, привычно
А вид обложки, а формат!	От Кюхли отречётся вновь,
Ужели Кюхлины печали	Звездовским предпочтя отличьям
Вам ничего не говорят?	Литхуда верную любовь.

21.5.1927г.

Ответ Ю.Н. Тынянова

В Гиз, в Литотдел. В ответ на Ваше	А что относится до Кюхли,
Строфическое отношение	Который, в сущности, уж помер,
Я подтверждаю Вам, что краше	То ноги у меня опухли,
К себе не видел отношения.	И я готовлю в новый номер
Я подтверждаю настоящим	«Звезды», которой вождь – Ковнатор,
Художественному отделу,	Лист или два “Вазир Мухтара”,
Что с вдохновеньем настоящим	Который тоже литератор
Относятся в отделе к делу.	И тоже умер от удара*.

Но, становясь с годами старше,
С душой, остывшей и незлобной,
Скажу: нет в мире секретарши,
Вам, Варковицкая, подобной.

Ю. Тынянов

Ю.Н. Тынянову (посмертно)

Вам нравился стиль, Вам нравился тон	Увы! Теперь они мертвы –
И злые его сарказмы,	И автор, и переводчик,
И, чтя его память, за перевод	Не то бы Генрих мог подтвердить,
Вы взялись с энтузиазмом.	Чей перевод самый точный.
Сам суперкарго мингерр Ван-Кук,	Чей перевод по вкусу ему,
И тот вскричал бы: <i>Отлично!</i>	Выражает все его чувства,
И, если бы Генрих из гроба встал,	Чей перевод считает он
Он вас бы поздравил лично.	Высоким классом искусства.
Бродячие крысы, оскалив пасть,	Но Левик и Дейч наперебой
С немецкой строфы ускакали	На пишущей гонят машинке.
На русскую почву и, не сморгнув,	За ними Пеньковский не отстаёт
Поход свой продолжали.	И даже Д.М. Горфинкель.
И сам Господь на небесах	Ведь редактор в издательстве – это Бог,
По-русски Берлином правил.	Он берёт переводы с изьяном,
По-русски Архангел Гавриил	Хоть знает, что эти стихи давно
Эугена на небо доставил.	Перевёл блестяще Тынянов.

* - *Примечание Тынянова*: «В буквальном смысле» [имеется в виду А.С.Грибоедов. – Л.С.].

